

Институты для мира в Евразии¹

Т.В. Бордачев, А.В. Казакова, А.С. Скриба

Бордачев Тимофей Вячеславович – к.полит.н., директор Центра комплексных европейских и международных исследований; доцент Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: tbordachev@hse.ru

Казакова Анастасия Валерьевна – стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; студентка магистерской программы «Международные отношения: европейские исследования», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: akazakova@hse.ru

Скриба Андрей Сергеевич – к.полит.н., научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, преподаватель Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: askriba@hse.ru

Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) служит эффективным инструментом естественной взаимодополняемости российских и китайских усилий по стабилизации важнейшей для обеих держав Центральной Евразии, а также окончательно развенчивает миф о том, что предлагаемые Россией и Китаем проекты углубленного регионального сотрудничества имеют принципиально разную природу и, соответственно, элементы конкуренции между ними не могут иметь объективного характера. Таким образом, усилия по стабилизации этого региона могут стать для России и Китая спланирующим фактором в общем глобальном контексте. Однако главная задача на данном этапе – определить, какие институциональные формы оптимальны для того, чтобы придать процессу формирования в Центральной Евразии «сообщества интересов и ценностей» необратимый характер.

Создание устойчивых институтов продиктовано необходимостью не только развивать сотрудничество с Китаем в долгосрочной перспективе, но и упрочить основу Евразийского экономического союза. Более того, мы можем допустить, что в условиях кооперативистской динамики в российско-китайских отношениях институционализация «сопряжения» по линии ЕАЭС – Китай и внутри структуры самого Союза будет способствовать дополнительной социализации органов государственного управления стран ЕАЭС и КНР, что неизбежно приведет к повышению уровня политического доверия и внесет значительный вклад в формирование на евразийском пространстве «сообщества общих ценностей и интересов».

Ключевые слова: евразийская интеграция, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, сопряжение, Центральная Евразия

Теоретическое решение

Концепция, получившая в дальнейшем в официальном изложении определение «сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), содержала в своей теоретической основе две гипотезы. Во-первых, предположения о

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

том, что предлагаемые Россией и Китаем проекты углубленного регионального сотрудничества имеют принципиально разную природу, и именно поэтому элементы конкуренции между ними не могут иметь объективного характера. Во-вторых, идеи о естественной взаимодополняемости российских и китайских усилий по стабилизации важнейшего для обеих держав «мягкого подбрюшья» в Центральной Евразии – региона, непосредственно граничащего как с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР), так и российскими Уралом и Центральной Сибирью. Исходя из очевидной необходимости ограничить проникновение в регион внешних дестабилизирующих сил, особенно активизировавшихся после 2001 г., должна быть представлена эффективная модель сотрудничества.

О вероятной верности первой гипотезы свидетельствует и многолетний – по большей части исключительно негативный – опыт взаимодействия России и Европейского союза в регионе так называемого «общего соседства», т.е. стран западной части постсоветского пространства [Moshes, 2009]. Здесь каждая из сторон предлагала новым независимым государствам региона аналогичные по форме модели отношений, в центре которых находилось постепенное снятие тарифных и нетарифных барьеров для торговли, наращивание масштабов промышленной кооперации и повышение открытости на рынке труда [Haukkala, 2009, p. 4–5]. Кроме того, в случае с единым экономическим пространством в СНГ тарифные барьеры уже отсутствовали, и эта ступень интеграции была, таким образом, преодолена [Zarogski, 2012], тогда как в случае с продвигавшимися ЕС глубокими и всеобъемлющими соглашениями о свободной торговле снятие тарифных барьеров только предполагалось в будущем [Misso, 2015].

При этом конечный формат таких отношений по-прежнему различался – итоговый результат в случае с Россией предполагал полноправное вхождение в евразийское интеграционное объединение [Aslund, 2013, p. 4–5], тогда как в случае с «восточной» политикой ЕС речь шла только о некой форме привилегированных отношений, не доходящих, впрочем, до членства страны-партнера в Союзе [Ibid.]. Однако в обоих случаях странам-реципиентам предлагался выбор между одинаковыми по содержанию закрытыми проектами. При этом природа каждого из них – региональный торговый блок разной степени развитости – исключала возможности равноценного сотрудничества на обоих направлениях, просто в силу естественного стремления региональных углубленных объединений к извлечению максимальных выгод при любых формах сотрудничества [Mskay et al., 2004, p. 14–15].

В противоположность рассмотренному примеру российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не могут рассматриваться нами как взаимоисключающие и закрытые. Как мы увидим ниже, их содержание не предполагает выбора одного из двух институционально-правовых форматов. Деятельность Евразийского союза направлена на развитие экономик стран-членов. Инструментом развития должно быть создание наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса, включая инвестиционную и другие виды деятельности, а также создание на его территории пространства четырех свобод передвижения: товаров, людей, капиталов и услуг². Китайская инициатива содержит в себе в первую очередь открытое для всех масштабное инвестиционное предложение [Бордачев, 2015]. В результате оба рассматриваемых нами формата гармонично дополняют друг друга. Для придания их взаимодействию системного и последовательного характера должна быть решена задача формирования институциональной «надстройки».

² Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

Что касается второй из выдвинутых нами выше гипотез, то она основана на базовом допущении, что взаимная заинтересованность России и КНР в том, чтобы Казахстан и Центральная Азия не стали поставщиками нестабильности на их территории, может привести к выбору модели сотрудничества, а не конкуренции. Для этих двух стран (России и Китая) потенциальная нестабильность в Центральной Евразии представляет собой своего рода «идеальный общий вызов», ответ на который возможен только через рациональную игру с позитивной суммой.

Во-первых, вероятность того, что в странах региона произойдет социальный и политический взрыв, реальна. В отличие от Восточной Европы, где внутренний конфликт стал в первую очередь производным от соперничества внешних сил, в регионе преобладают именно внутренние факторы напряженности — неустоявшиеся государственные институты, бедность, религиозный радикализм и, наконец, соседство с Афганистаном [Малашенко, 2012, с. 16–18]. Совокупность этих факторов делает проблему действительно актуальной для обеих держав и естественно повышает их потенциал к сотрудничеству [Keohane, Nye, 1977, p. 3–19].

Во-вторых, важную роль играет географическая близость потенциально взрывоопасного региона для обеих великих держав. Казахстан и Центральная Азия непосредственным образом граничат с проблемным для Китая СУАР и важнейшими для России Уралом и Центральной Сибирью. Для обеих держав очевидно, что они не смогут в случае обострения ситуации канализировать проблему в направлении другого игрока и, таким образом, будут вынуждены сотрудничать «на месте». В этом отношении гораздо большую озабоченность может теоретически вызывать роль США и Европейского союза, для которых потенциальный взрыв в центре Евразии не будет сколько-нибудь значимым вызовом национальной безопасности. И в этой связи ситуация в регионе рассматривается, особенно в США, в контексте геостратегического взаимодействия с Москвой и Пекином [Rumer, 2014].

В-третьих, Россия и Китай одинаково заинтересованы в удалении внешних игроков, безотносительно к их происхождению. Как отмечалось, для большинства внешних нерегиональных игроков развитие событий в центре Евразии представляет интерес исключительно в международно-политическом контексте и не является вопросом национальной безопасности. Поэтому их воздействие на ситуацию будет в большинстве своем иметь дестабилизирующий характер [Keohane, Nye, 1977, p. 3–19]. Не меньшее значение российско-китайское сотрудничество будет иметь и для снижения негативных последствий неизбежных попыток самих стран региона балансировать влияние двух великих держав³.

В-четвертых, Россия и Китай могут предложить странам своей периферии достаточно разнообразные форматы взаимодействия по их внутренней стабилизации. Рассмотрим противоположный пример усилий Европейского союза по стабилизации собственной периферии. После успешного расширения ЕС в 2004–2007 гг. интеграционным объединением была выдвинута инициатива «политики соседства», представляющая собой европоцентричный проект, нацеленный на стабилизацию соседей через восприятие ими институциональных практик и норм Европейского союза⁴. То есть имеющий трансформирующую природу и обуславливающий получение очередных преференций именно выполнением некоего набора критериев [Grant, 2011, p. 9–11]. Россия и Китай, напротив, заинтересованы не в трансформации, а в стабилизации по-

³ Подробнее о балансировании и его негативных последствиях для региональных группировок и центров силы см.: [Скриба, 2014, с. 96–111].

⁴ European Neighborhood Policy // European Union External Action. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/enp/about-us/index_en.htm (дата обращения: 07.02.2016).

литических режимов в Центральной Евразии, замораживании там ситуации на максимально продолжительный период [Rumer, 2006, p. 3–7].

Таким образом, мы можем быть уверены в том, что относительная вероятность выбора Россией и Китаем парадигмы сотрудничества в центре Евразии значительно более высока даже на теоретическом уровне. Более того, усилия по стабилизации этого региона могут стать для России и Китая спланирующим фактором в общем глобальном контексте. Процесс реконфигурации международного управления в экономической области представляется необратимым [Tellis, 2015]. Происходит становление крупных трансконтинентальных объединений и две важнейшие евразийские державы не имеют, по-видимому, других альтернатив, кроме дальнейшего сближения. На данном этапе необходимо определить, какие институциональные формы оптимальны для того, чтобы придать процессу формирования в Центральной Евразии «сообщества интересов и ценностей» необратимый характер.

История вопроса

Термин «Экономический пояс Великого шелкового пути» впервые был введен в употребление председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. во время публичного выступления в «Назарбаев-Университете» (Астана, Казахстан) [Караганов, 2015, с. 35]. Современная трактовка понятия «Шелковый путь» достаточно сложна. Выдвижение и продвижение идеи создания ЭПШП началось на самом высоком уровне, однако изначально само понятие не было наполнено конкретным содержанием, что приводило к возникновению большого количества его толкований [Денисов, 2015]. Отчасти появление данной идеи отразило стремление руководителей Китая потеснить США и их союзников на традиционно принадлежащем им поле выдвижения масштабных инициатив глобального и регионального характера. В ноябре 2014 г. было объявлено о создании инвестиционного фонда в размере 40 млрд долл., средства которого должны быть инвестированы в проекты развития наземного и морского «шелкового путей» [Караганов, 2015, с. 36].

Главная цель проекта определяется тем, что внешняя политика КНР строго подчинена цели создания наиболее благоприятных условий для внутреннего развития страны [Там же, с. 37]. Основное содержание любой дипломатической инициативы направлено либо на решение внутренней проблемы Китая, либо на устранение внешних препятствий для решения этих проблем. Руководству Китая также необходимо минимизировать негативные последствия общего повышения наступательности национальной внешней политики, которая уже вызывает озабоченность у соседей [Там же]. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере конфликтов из-за островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Однако и в странах Центральной Азии наблюдается усиление беспокойства по поводу увеличения экономического присутствия КНР на территории данных государств [Schreer, 2014]. Китайская инициатива призвана восприниматься в странах Центральной Азии как источник экономического роста, улучшения благосостояния населения, стабилизации обстановки в регионе и альтернатива исламизации общества.

География Экономического пояса Шелкового пути такова, что именно страны Центральной Азии оказались первыми на пути реализации этого китайского проекта. При этом некоторые из них уже являются участниками евразийской экономической интеграции: Казахстан и Кыргызстан — действующие члены Евразийского экономического союза. Это обстоятельство подняло два важных вопроса: не станут ли россий-

ский и китайский экономические проекты конкурирующими в центральноазиатском регионе, и каким образом может происходить их сосуществование, или сопряжение.

Подобные опасения строились на двух допущениях. Во-первых, уже имел место негативный опыт конкуренции России и Европейского союза (а также выступавших на их стороне США) в Восточной Европе. Когда в конце 2000-х – начале 2010-х годов Москва и Брюссель не сумели прийти к компромиссу, шесть постсоветских государств оказались перед интеграционной дилеммой – необходимостью выбрать одну из двух экономических группировок [Скриба, 2014, с. 96–111]. Причем если в Белоруссии и Армении этот выбор прошел относительно спокойно, а Азербайджан дистанцировался от обоих интеграционных предложений, то для Молдавии и особенно Украины отказ от одного важного партнера в пользу другого имел серьезные экономические и политические последствия. Внутренняя дестабилизация в этих странах, в свою очередь, усилила разногласия между Россией и Европейским союзом, и еще больше отдалила перспективу налаживания конструктивных отношений между европейской и евразийской экономическими группировками.

Пока политический диалог России и Китая не дает повода для прогнозирования аналогичной конкуренции в постсоветской Центральной Азии. Стороны ни разу не высказывали публичных опасений относительно внешней политики друг друга в этом регионе. Однако отсутствие противоречий на данном этапе не означает, что они не могут быть спровоцированы. Таким образом, второе допущение – деструктивное влияние на сотрудничество России и Китая и на сопряжение ЕАЭС и ЭПШП со стороны других стран, прежде всего самих государств Центральной Азии.

В теории международных отношений такое поведение малых и средних государств описывается достаточно часто. Например, эти страны могут спекулировать вопросами безопасности ради собственной выгоды [Walt, 2009] или конъюнктурно сближаться с тем или иным партнером ради решения внутренних проблем [David, 1991, p. 233–256; Miller, Torgutsin, 2005, p. 325–363; Schweller, 1994, p. 72–107]. В результате они могут нарушать равновесие силы и своими действиями провоцировать региональную напряженность.

История отношений на постсоветском пространстве за последние 25 лет знает не- мало примеров такой политики. В основном это касалось все тех же стран «Восто-чно- го партнерства». Белоруссия, Украина, реже – Грузия и Молдавия использовали свою высокую важность для России и Европейского союза для получения дополнительных экономических преимуществ. Они также активно привлекали США в региональные дела, что вызывало еще большую напряженность между Россией и ЕС. Именно тогда от России потребовалась новая внешнеполитическая стратегия, которая стала бы ответом на подход ЕС.

Созданию ЕАЭС предшествовал долгий период постсоветской реинтеграции – попытки Москвы остановить разрушение экономических связей внутри СНГ, а в некоторых случаях – восстановить и усилить их. Нельзя сказать, что все эти попытки были безуспешными. Например, был достаточно позитивный опыт Союзного государства

Белоруссии и России. Хотя экономическая интеграция так и не вышла на серьезный наднациональный уровень, а многие планы, такие как единая валюта и единый президент, так и не были реализованы, в этом формате были возвращены многие сферы сотрудничества: единая таможенная территория, свободное перемещение рабочей силы.

Однако в конечном счете многочисленные конфликты (связанные в первую очередь с ценами на нефть и газ, поставляемые Россией) показали, что для формирования на пространстве СНГ устойчивого экономического объединения нужен принципиально новый подход. Политика Европейского союза, которая была направлена на создание

таких институциональных связей со странами «Восточного партнерства» – политической ассоциации и зоны свободной торговли, стала отправной точкой для создания новой модели интеграции. Можно сказать, что с запуском Таможенного союза (первый этап евразийской интеграции) в истории стран СНГ закончился предыдущий постсоветский период и начался новый – евразийский.

Первым шагом было создание Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России в 2010 г. За ним последовало углубление интеграции трех стран – формирование Единого экономического пространства в 2012 г. Этот этап интеграции провозгласил «четыре свободы»⁵ между государствами-участниками: движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. В 2014 г. к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству присоединилась Армения.

Последним на данный момент этапом интеграции стало учреждение Евразийского экономического союза в 2015 г. В том же году пятым участником евразийской экономической интеграции стал Кыргызстан. ЕАЭС можно назвать первым за многие годы примером позитивной экономической интеграции, поскольку он предполагал формирование наднационального органа – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В Договоре были также зафиксированы цели и этапы дальнейшего углубления интеграции – синхронизация экономической политики стран – участников ЕАЭС.

В Восточной Европе ЕАЭС уже стал альтернативой ассоциации и ЗСТ (DCFTA) с ЕС. Нельзя сказать, что появление в Европе еще одного, альтернативного интеграционного проекта стабилизировало региональную ситуацию и помогло наладить отношения Москвы и Брюсселя. Европейская комиссия до сих пор не признает ЕЭК как равноправного партнера, предпочитая вести диалог с членами ЕАЭС в двустороннем формате. Однако при этом всем важно, что евразийская экономическая интеграция, во-первых, де-юре заблокировала возможность для стран СНГ участвовать сразу в нескольких экономических группировках, и во-вторых, стала основой для торговой и производственной кооперации.

Но в случае российско-китайского диалога важно заметить, что ЕАЭС и ЭПШП не являются институционально взаимоисключающими проектами. И поскольку у России и Китая отсутствуют фундаментальные геополитические противоречия, возникает перспектива снизить потенциальные риски в регионе через сопряжение двух проектов. Главным вопросом в этом случае становится то, какие институты ЕАЭС должны быть вовлечены и/или координировать процесс сопряжения, а также через какие механизмы он должен быть реализован.

Потенциал институтов ЕАЭС

На сегодняшний день управление ЕАЭС осуществляют четыре структуры, компетенции и полномочия которых четко прописаны в Договоре⁶ о Евразийском экономическом союзе:

— Высший Евразийский экономический совет, который является высшим органом ЕАЭС, определяют его стратегию, направления и перспективы развития. Участниками Высшего совета являются главы государств-членов.

⁵ Заявление В.В. Путина по итогам сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, заседания Межгоссовета ЕвразЭС и Высшего Евразийского экономического совета // Президент России. 2012. Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/17169> (дата обращения: 07.02.2016).

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

— Евразийский межправительственный экономический совет обеспечивает взаимодействие участников интеграции на среднем уровне за счет представительства глав правительств стран-участниц; осуществляет контроль за реализацией и исполнением основополагающего Договора.

— Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянный действующий наднациональный регулирующий орган ЕАЭС, главной задачей которого является разработка предложений развития Евразийской экономической интеграции и решение возникающих в процессе технических вопросов.

— Суд ЕАЭС – орган, наделенный судебными функциями для обеспечения применения Договора о Союзе и иных международных соглашений в рамках ЕАЭС.

Несмотря на образование сразу нескольких органов управления, единственным наднациональным органом, обеспечивающим бесперебойную работу ЕАЭС, является Комиссия. Однако ее компетенции оказались существенно ограничены правом национальных государств, хотя ЕЭК и отвечает за функционирование всего Союза.

Высший совет как выразитель интересов глав государств ЕАЭС не только утверждает состав Коллегии ЕЭК, но и является последней инстанцией в принятии всех важных решений. Помимо выработки основных приоритетов президенты стран-участниц оставляют за собой право утверждения бюджета, принятия решений о переговорах с третьей стороной от имени Союза и по вопросам международного сотрудничества ЕАЭС в целом; Совет назначает судей Евразийского суда, а также дает поручения Межправительственному совету и Комиссии, определяя регламент их работы⁷. Таким образом, любое государство – член Союза имеет возможность оказывать существенное влияние на принятие тех или иных решений и вовсе заблокировать работу всех структур интеграции.

Возможно, доминирующее положение Высшего совета объясняется привычной для участников ЕАЭС моделью политического управления. Без опыта институционального управления страны евразийской интеграции воспроизводят организационную структуру [Roberts et al., 2014, p. 15–16], где принятие главных решений сосредотачивается в руках узкого круга лиц. Поэтому не вызывает сомнений тот факт, что успех региональных экономических объединений зависит от качества политического и экономического управления в странах, являющихся их участниками [Dragneva, Wolczuk, 2014, p. 15].

Ограничение компетенции Высшего совета означало бы более многосторонний процесс принятия решений, его децентрализацию, учет интересов всех участников ЕАЭС. Однако эксперты отмечают, что даже при существенной асимметрии экономического развития и слабой институциональной основе [Vilpisauskas et al., 2012, p. 22] сужение роли глав государств встретит серьезное сопротивление. Ведь в таком случае Россия, в частности, не сможет больше пренебрегать решениями ЕЭК в своих интересах, а Белоруссии придется выстраивать национальную экономику совершенно на других началах, чтобы соответствовать заявленным целям экономической интеграции [Wisniewska, 2013, p. 40].

Тем не менее сформированная система управления в рамках ЕАЭС принципиально отличается от предыдущих попыток интеграции на постсоветском пространстве. Новая структура доказывает свою устойчивость и «дееспособность» в силу более продуманной схемы органов управления и готовности стран-участниц выполнять

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

принятые решения в соответствии с международными нормами и правилами ВТО» [Dragneva, Wolczuk, 2012, p. 5]. В этот раз успех евразийской интеграции связывается с учреждением Евразийского суда как отдельного института для разрешения судебных споров, а также закреплением принципа «прямого действия»⁸, согласно которому решения ЕЭК становятся частью внутреннего законодательства стран-участниц спустя 30 дней с момента принятия того или иного документа. Таким образом, решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Институциональное развитие евразийской интеграции положительно оценивают и с точки зрения введенного правила «одна страна – один голос» [Atilgan et al., 2014, p. 9], что свидетельствует о готовности России при безоговорочном статусе лидера интеграции выстраивать сотрудничество на принципах равенства. До появления ЕАЭС голоса в Таможенном союзе распределялись следующим образом: 57 голосов принадлежало России, остальные 43 делились между Белоруссией и Казахстаном.

Нынешняя структура ЕАЭС наилучшим образом отвечает реалиям сегодняшнего дня еще и потому, что одновременно сочетает национальные и наднациональные элементы управления. Пожалуй, возникновение сильных законодательных и исполнительных институтов ЕАЭС является сейчас невозможным и даже неэффективным. Слепое копирование институциональной основы ЕС без учета специфики взаимоотношений стран Евразийского союза и асимметрии их развития сведет интеграцию к «декларативному механизму». Поэтому в нынешних условиях процесс принятия решений на высоком уровне способен обеспечить достаточно быстрое реагирование Союза на те или иные проблемы за счет тесной координации участников Высшего совета, занимаемого ими положения. Поиск компромисса становится более простым благодаря возможности согласовывать национальные интересы в формате многосторонних консультаций небольшого количества участников. Но вместе с тем, безусловно, существует риск развития двусторонних каналов взаимодействия в рамках пятерки Союза.

Наконец, вместе с образованием ЕАЭС появилась возможность осуществлять взаимодействие на более низком уровне (между главами правительств, руководителями различных ведомств), привлекая большое количество экспертов. Все это закладывает основу для многоуровневого процесса принятия решений, в котором будут так или иначе учтены интересы всех стран-участниц.

При этом важно понимать, что реализация всего потенциала институтов евразийской интеграции станет возможной с развитием независимого Суда ЕАЭС и появлением эффективной Комиссии, обладающей большей компетенцией по части принятия решений, осуществления международного сотрудничества Союза. Это позволит России избежать обвинений в навязывании своих интересов и в целом ошибок, которые характерны для управления на более высоком уровне. Следовательно, большее вовлечение экспертов в работу и меньший уклон в сторону единоличного принятия решений позволят ЕАЭС эффективнее находить ответы на возникающие угрозы.

В свою очередь, институциональное оформление «сопряжения» евразийской интеграции и ЭПШП также позволит сторонам эффективнее формулировать свои интересы и тесно работать для реализации совместных проектов [Miller, 2000, p. 535–547]. Большое преимущество институтов состоит в том, что они позволяют акторам не только предопределять поведение друг друга, но и оказывать влияние на него через установ-

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

ленные институциональные правила и процедуры [Hall, Taylor, 1996, p. 10–13]. И этим преимуществом было бы глупо не воспользоваться.

В целом все же необходимо отметить, что на данном этапе сформированная структура институтов ЕАЭС вполне отвечает интересам стран-участниц. Высший совет, обеспечивающий тесное сотрудничество глав-государств, задает динамику развития Союза при значительной технической поддержке Комиссии. Такой «институциональный каркас» позволяет структурировать процесс взаимодействия сторон и систематизировать большое количество вопросов, стоящих на повестке дня. Большая заслуга органов управления ЕАЭС заключается еще и в выработке общей позиции «пятерки» стран, взаимном учете интересов, подготовке регулярных встреч глав государств и правительств. В этой связи, признавая эффективность институтов, в октябре 2015 г.⁹ Высший совет возложил на Евразийскую экономическую комиссию ответственность за подготовку проекта «дорожной карты» взаимодействия с КНР и реализации «сопряжения» с ЭПШП.

Тем не менее приходится признать, что на сегодняшний день данный процесс практически застопорился. Недостаточная развитость межгосударственных институтов и отсутствие возможности обсуждать важнейшие вопросы на более низком уровне ведут к тому, что процесс согласования позиций «пятерки» с Китаем происходит преимущественно в двустороннем формате, а это представляет риск для интеграции.

Чтобы не упустить «евразийский момент», необходимо иметь четкое представление о том, как масштабный проект «сопряжения» может быть реализован. Поэтому основной акцент должен быть сделан на формировании эффективных институтов [Бордачев и др., 2013], способных заложить основу сотрудничества между ЕАЭС и Китаем, а также укрепить единую позицию самой «пятерки».

Институциональные аспекты «сопряжения»

Создание устойчивых институтов продиктовано необходимостью не только развивать сотрудничество с Китаем в долгосрочной перспективе, но и упрочить основу Евразийского экономического союза. Необходим такой механизм, который позволит максимально полно согласовывать национальные интересы с делегированием полномочий наднациональным органам при условии предварительного достижения многоуровневого межнационального консенсуса.

На данный момент в силу ограниченной компетенции ЕЭК в переговорах с Китаем занимает достаточно пассивную позицию, поскольку просто не в состоянии начать переговоры для определения, например, конкретных обязательств по торговле услугами, финансовому сотрудничеству и инвестициям. Прерогативы Комиссии сводятся лишь к подготовке неpreferенциального торгового соглашения с КНР. В этой связи есть смысл задуматься о расширении полномочий ЕЭК в сфере инвестиций и транспорта, чтобы тем самым создать условия для выработки единого подхода стран-участниц ко всему комплексу вопросов «сопряжения» и предотвратить риск возникновения нескоординированных национальных треков взаимодействия с Китаем. Соответственно, повышение роли Комиссии в переговорном процессе возможно только по решению Высшего Евразийского совета (глав государств-членов) и внесения соответствующего изменения в Договор о ЕАЭС.

⁹ О взаимодействии государств – членов ЕАЭС по вопросам сопряжения с ЭПШП. Решение № 58 от 14 октября 2015 г. // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

Усиление роли ЕЭК в области транспорта продиктовано необходимостью заложить основу для более глубокой транспортно-логистической кооперации стран ЕАЭС с другими государствами (согласно ст. 114 п. 1 и 2 Договора¹⁰), а также стимулировать сам процесс евразийской интеграции в данном секторе. А в развитии инвестиционного сотрудничества активная роль Комиссии необходима для урегулирования вопросов защиты прав инвесторов и обеспечения гарантий вложенных средств.

Наряду с делегированием полномочий Евразийской экономической комиссии необходимым видится создание отдельного постоянно действующего межправительственного комитета внутри самого ЕАЭС при особой роли Комиссии как переговорной площадки и органа для решения всех технических вопросов сотрудничества с Китаем. Подобная структура может также принять формат вице-премьеров, курирующих евразийскую интеграцию.

Такое предложение является важным, поскольку «сопряжение» ЕАЭС и ЭПШП предполагает не только торговое взаимодействие сторон, но и реализацию различных инфраструктурных, инвестиционных программ. В идеале инициатива должна привести к постепенной гармонизации законодательства в части технических регламентов и взаимному признанию технических норм. Необходимо также решить вопрос регулирования и защиты инвестиций, оценить перспективу создания нового арбитража, обсуждать сотрудничество в области трудовой миграции и социальной защиты для обеспечения условий передвижения людей. Таким образом, столь многоплановая повестка требует серьезной подготовки и технической базы, тщательного согласования возможностей каждой стороны. Институциональное оформление «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП как раз призвано урегулировать все эти вопросы.

На примере Европейского союза очевидна колоссальная эффективность институционального решения возникающей проблемы. Заложенные в Декларации Монне – Шумана принципы создания общих институтов, функционирующих «на основе реальных дел и фактической солидарности»¹¹, позволили в конечном счете сконструировать политическую идею, а также обеспечить ее жизнеспособность и по сей день. Действительно, практически каждое направление деятельности ЕС связано с возникновением соответствующих структур. Так, за обеспечение региональной политики отвечает Европейский фонд регионального развития, Европейский социальный фонд и Фонд сплочения; реализация экономического и валютного союза стала возможной с созданием Европейского центрального банка; правовое закрепление общей внешней политики и политики безопасности привело к появлению Европейской службы внешнеполитической деятельности и должности Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Возвращаясь к идее «сопряжения», стоит отметить, что наиболее успешным может стать формат «большого» договора смешанного характера «ЕАЭС – страны-члены ЕАЭС – КНР». Это позволило бы одновременно расширить сферы сотрудничества Союза и Китая по тем направлениям, которые пока еще не входят в область регулирования наднациональных органов, а также максимально учесть приоритеты каждого государства «пятерки». Необходимость решительных действий объясняется также возросшим интересом Индии, Ирана, Пакистана и других стран региона к ЭПШП. В этой связи институционализация «сопряжения» упрочит позиции членов ЕАЭС, позволит

¹⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал ЕЭК. 2015. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/> (дата обращения: 07.02.2016).

¹¹ Declaration of 9th May 1950 // Robert-Schuman Foundation. Режим доступа: <http://www.robert-schuman.eu/en/special-page-on-may-9> (дата обращения: 07.02.2016).

им занять центральное место в реализации китайских проектов, привлекая в то же время инвестиции и других региональных игроков.

Таким образом, слагаемыми успешной реализации «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП являются два важных аспекта. Первый призван укрепить роль Евразийской экономической комиссии и расширить ее компетенцию на новые сферы. А второй заключается в создании специального института, который обеспечит межгосударственный диалог и консолидацию позиций стран-участниц в вопросе сотрудничества с Китаем. Отметим, что важнейшее международно-политическое значение будет иметь сам факт заключения любого соглашения по линии ЕАЭС – Китай, поскольку после этого вопрос о международной правосубъектности Союза будет закрыт. Это, в свою очередь, позволит более решительно подступиться к проблеме отношений ЕАЭС – Европейский союз, где у стран-членов также существуют серьезные интересы и ограничители.

Таким образом, мы можем допустить, что в условиях кооперативистской динамики в российско-китайских отношениях институционализация «сопряжения» по линии ЕАЭС – Китай и внутри структуры самого Союза позволит придать евразийскому сотрудничеству фактически необратимый характер. Кроме того, это может способствовать дополнительной социализации органов государственного управления стран ЕАЭС и КНР, что неизбежно приведет к повышению уровня политического доверия [Simmons, Martin, 2002, p. 192–211]. О высокой вероятности такого эффекта свидетельствует изученный опыт европейской интеграции. Это внесет серьезный вклад в формирование на евразийском пространстве «сообщества общих ценностей и интересов».

Литература

- Бордачев Т. (2015) Создавая Евразию вместе // Известия. 15 апреля. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/585463#ixzz3Xa1ggHL8> (дата обращения: 07.02.2016).
- Бордачев Т., Островская Е., Скриба А. (2013) Выбор и вызов евразийской интеграции // Россия в глобальной политике. № 5. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vybor-i-vyzov-evraziiskoi-integracii-16178> (дата обращения: 07.02.2016).
- Денисов И. (2015) Путешествие на запад // Россия в глобальной политике. № 1. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (дата обращения: 07.02.2016).
- Караганов С.А. (ред.) (2015) К Великому океану – 3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. МДК Валдай. С. 35.
- Малашенко А. (2012) Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: РОССПЭН. С. 16–18.
- Скриба А.С. (2014) Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 3. С. 96–111. Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2014/10/22/1099852056/Страницы%20из%20Вестник_2014_03_ff-8.pdf (дата обращения: 25.05.2016).
- Aslund A. (2013) Ukraine's Choice: European Association Agreement or Eurasian Union? // Peterson Institute for International Economics Policy Brief, no PB13-22. September. P. 4–5. Режим доступа: <https://www.ciaonet.org/attachments/23772/uploads> (дата обращения: 25.05.2016).
- Atilgan C., Baumann G., Brakel A., Crawford C., Devic J., Helms A. (2014) The Eurasian Union. An Integration Project under the Microscope. KAS International Reports. P. 9. Режим доступа: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36785-544-2-30.pdf?140207134233 (дата обращения: 25.05.2016).
- David S. (1991) Explaining Third World Alignment // World Politics. Vol. 43(2). P. 233–256.
- Dragneva R., Wolczuk K. (2014) Eurasian Economic Integration: Institutions, Promises and Faultlines // The Geopolitics of Eurasian Economic Integration. Special Report. P. 15. The London School of Economics and

Political Science is a School of the University of London. Режим доступа: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Dragneva-Wolczuk.pdf> (дата обращения: 25.05.2016).

Dragneva R., Wolczuk K. (2012) Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? // Chatham House Briefing Paper. August. P. 5. Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnevawolczuk.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

McKay J., Armengol M.O., Pineau G. (eds) (2004) Regional Economic Integration in a Global Framework. G-20 Workshop. 22–23 September. European Central Bank. P. 14–15. Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/regionaleconintegrationglobalframework2005en.pdf?7ac24500beb528b3d89df3374dd5d5df> (дата обращения: 25.05.2016).

Grant C. (2011) A New Neighborhood Policy for the EU. Centre for European reform, Policy Brief. March. P. 9–11. Режим доступа: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_grant_neighbourhood_11march11-170.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. Vol. 44. No. 5. P. 10–13.

Haukkala H. (2009) From Zero-Sum to Win-Win? The Russian Challenge to the EU's Eastern Neighborhood Policies // European Policy Analysis. No. 12. P. 4–5.

Keohane R., Nye J. (1977) Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston. Little Brown. P. 3–19.

Micco P. (2015) Ukraine's will to liberalize: Tested on many fronts. In-depth analysis. Directorate-General for External Policies. Policy department. November. Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA\(2015\)549072_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA(2015)549072_EN.pdf) (дата обращения: 07.02.2016).

Miller G. (2000) Rational Choice and Dysfunctional Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. Vol. 13. No. 4. P. 535–547.

Miller E.A., Torytsin A. (2005) Bringing the Leader Back In: Internal Threats and Alignment Theory in the Commonwealth of Independent States // Security Studies. Vol. 14. Issue 2. P. 325–363. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636410500234079> (дата обращения: 07.02.2016).

Moshes A. (2009) EU – Russia Relations: Unfortunate Continuity // The Robert Schuman Foundation. European issues. No. 129. Режим доступа: <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).

Roberts S., Moshes A., Pynnöniemi K. (2014) The Eurasian Economic Union. Breaking the Pattern of Post-Soviet Integration? The Finnish Institute of International Affairs. Helsinki. P. 15–16. Режим доступа: http://eprints.port.ac.uk/20256/1/The_Eurasian_Economic_Union_breaking_the_pattern_of_post_soviet_integration.pdf (дата обращения: 07.02.2016).

Rumer E. (2014) China the Winner. 16 May.

Rumer E. (2006) China, Russia and the Balance of Power in Central Asia // Strategic Forum. No. 223. November. P. 3–7. Режим доступа: kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/.../en/SF223.pdf (дата обращения: 07.02.2016).

Schreer B. (2014) Should Asia be Afraid? China's Strategy in the South China Sea Emerges // The National Interest. August 20. Режим доступа: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/should-asia-be-afraid-chinas-strategy-the-south-china-sea-11109> (дата обращения: 07.07.2016).

Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in // International Security. Vol. 19. No 1. P. 72–107.

Simmons B.A., Martin L.L. (2002) International Organizations and Institutions // W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. Handbook of International Relations. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. P. 192–211.

Tellis A. (2015) The Geopolitics of the TTIP and the TPP, 2 March.

- Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I., Chirila V. (2012) Eurasian Union: A Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries // EESC. P. 22. Режим доступа: <http://www.eesc.lt/uploads/news/id459/Eurasian%20Union-a%20Challenge%20for%20the%20European%20Union%20and%20Eastern%20Partnership%20Countries.pdf> (дата обращения: 07.02.2016).
- Walt S. (2009) Alliances in a Unipolar World // World Politics. Vol. 61 (1). P. 86–120.
- Wisniewska I. (2013) Eurasian Integration. Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-soviet Area // OSW Studies. No. 44. July. P. 40. Режим доступа: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_44_eurasian-integration_net.pdf (дата обращения: 07.02.2016).
- Zarogski A. (2012) Russia's Neighborhood Policy // Institute for Security Studies. February 14. Режим доступа: <http://www.iss.europa.eu/de/publikationen/detail/article/russias-neighbourhood-policy/> (дата обращения: 07.02.2016).

Institutions for a Peaceful Eurasia

T. Bordachev, A. Kazakova, A. Skriba

Timofei Bordachev – Director of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Associate professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: tbordachev@hse.ru

Anastasiia Kazakova – Research assistant of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Master's Degree student (International relations: European studies) at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: akazakova@hse.ru

Andrei Skriba – Research fellow of the Centre for Comprehensive European and International Studies, Professor at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 10100, Moscow, Russian Federation; E-mail: askriba@hse.ru

Abstract

Russian and Chinese initiatives in Central Eurasia cannot be considered separate or mutually exclusive – Eurasian integration and the Silk Road Economic Belt complement rather than contradict each other. Successfully conjoining the two projects directly depends on Russian-Chinese relations that are based on mutual respect and political trust. Both sides are equally interested in maintaining a stable and safe Central Asia for fruitful cooperation, not competition. However, more systematic and consistent work between the Eurasian Economic Union (EEU) and China requires a strong and effective institutional basis and structure. The solution thus includes two important aspects. The first implies a more powerful Eurasian Economic Commission and the extension of its competence to new areas. The second means creating a special institution for intergovernmental cooperation, which could serve as a platform for a multilateral dialogue and provide ongoing day-to-day support for decision-makers and different experts of all levels. Such a mechanism would also help to elaborate a common position and policy on China for the five EEU countries. The conjoining of the EEU and the Silk Road initiative would not only boost trade among states but is necessary to develop infrastructure and investment programmes. Such a multifaceted agenda would require serious technical preparation as well as force EEU countries to compromise, because only with consent can members truly benefit¹.

Key words: integration, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Central Asia, institution building

References

- Aslund A. (2013) Ukraine's Choice: European Association Agreement or Eurasian Union? *Peterson Institute for International Economics Policy Brief*, no PB13-22, September, p. 4–5. Available at: <https://www.ciaonet.org/attachments/23772/uploads> (accessed 25 May 2016).
- Atilgan C., Baumann G., Brakel A., Crawford C., Devcic J., Helms A. (2014) *The Eurasian Union. An Integration Project under the Microscope. KAS International Reports*, p. 9. Available at: http://www.kas.de/wf/doc/kas_36785-544-2-30.pdf?140207134233 (accessed 25 May 2016).
- Bordachev T. (2015) Sozdavaja Evraziju Vmeste [Creating Eurasia Together]. *Izvestija*, 15 April. Available at: <http://izvestia.ru/news/585463#ixzz3Xa1ggHL8> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)
- Bordachev T., Ostrovskaja E., Skriba A. (2013) Vybori Vyzov Evrazijskoj Integracii [Eurasian Integration: Choice and Challenges]. *Rossija v Global'noj Politike*, no 5. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vybor-i-vyzov-evrazijskoj-integracii-16178> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)

¹ This article is an output of a research project in the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics.

- David S. (1991) Explaining Third World Alignment. *World Politics*, vol. 43 (2), p. 233–256.
- Denisov I. (2015) Puteshestvie na Zapad [Journey to the West]. *Rossija v Global'noj Politike*, no 1. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> (accessed 07 February 2016). (In Russian.)
- Dragneva R., Wolczuk K. (2014) Eurasian Economic Integration: Institutions, Promises and Faultlines. *The Geopolitics of Eurasian Economic Integration, Special Report*, p. 15. The London School of Economics and Political Science is a School of the University of London. Available at: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Dragneva-Wolczuk.pdf> (accessed 25 May 2016).
- Dragneva R., Wolczuk K. (2012) Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry? *Chatham House Briefing Paper*, August, p. 5. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_dragnevawolczuk.pdf (accessed 25 May 2016).
- Grant C. (2011) *A New Neighborhood Policy for the EU. Centre for European reform, Policy Brief*, March, p. 9–11. Available at: https://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_grant_neighbourhood_11march11-170.pdf (accessed 25 May 2016).
- Hall P., Taylor R. (1996) Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, vol. 44, no 5, p. 10–13.
- Haukkala H. (2009) From Zero-Sum to Win-Win? The Russian Challenge to the EU's Eastern Neighborhood Policies. *European Policy Analysis*. No 12. P. 4–5.
- Karaganov S.A. (red.) (2015) K Velikomu okeanu – 3. Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti I priorityty sovmejnogo razvitija evrazijskih gosudarstv [Toward the Great Ocean – 3. Creating Central Eurasia. The Silk Road Economic Belt and the priorities of the Eurasian states' joint development]. MDK Valdaj. (In Russian.)
- Keohane R., Nye J. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston. Little Brown, p. 3–19.
- Malashenko A. (2012) *Central'naja Azija: na chto rasschityvaet Rossija? [Central Asia: What Does Russia Expect?]*. M.: ROSSPEN, p. 16–18. (In Russian.)
- McKay J., Armengol M.O., Pineau G. (eds) (2004) *Regional Economic Integration in a Global Framework*. G-20 Workshop, 22–23 September. European Central Bank, p. 14–15. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/regionaleconintegrationglobalframework2005en.pdf?7ac24500beb528b3d89df3374dd5d5df> (accessed 25 May 2016).
- Micco P. (2015) *Ukraine's will to liberalize: Tested on many fronts. In-depth analysis*. Directorate-General for External Policies, Policy department. November. Available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA\(2015\)549072_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/549072/EXPO_IDA(2015)549072_EN.pdf) (accessed 07 February 2016).
- Miller E.A., Torytsin A. (2005) Bringing the Leader Back In: Internal Threats and Alignment Theory in the Commonwealth of Independent States. *Security Studies*, vol. 14, issue 2, p. 325–363. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636410500234079> (accessed 07 February 2016).
- Miller G. (2000) Rational Choice and Dysfunctional Institutions. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*, vol. 13, no 4, p. 535–547.
- Moshes A. (2009) *EU – Russia Relations: Unfortunate Continuity*. The Robert Schuman Foundation. *Europeissues*, no 129. Available at: <http://www.robert-schuman.eu/en/doc/questions-d-europe/qe-129-en.pdf> (accessed 07 February 2016).
- Roberts S., Moshes A., Pynnöniemi K. (2014) *The Eurasian Economic Union. Breaking the Pattern of Post-Soviet Integration?* The Finnish Institute of International Affairs. Helsinki. P. 15–16. Available at: http://eprints.port.ac.uk/20256/1/The_Eurasian_Economic_Union_breaking_the_pattern_of_post_soviet_integration.pdf (accessed 07 February 2016).
- Rumer E. (2006) China, Russia and the Balance of Power in Central Asia. *Strategic Forum*, no 223, November, p. 3–7. Available at: kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/.../en/SF223.pdf (accessed 07 February 2016).
- Rumer E. (2014) *China the Winner*. 16 May.

- Schreer B. (2014) Should Asia be Afraid? China's Strategy in the South China Sea Emerges. *The National Interest*, 20 August. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/should-asia-be-afraid-chinas-strategy-the-south-china-sea-11109> (accessed 07 February 2016).
- Schweller R. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back in. *International Security*, vol. 19, no 1, p. 72–107.
- Simmons B.A., Martin L.L. (2002) International Organizations and Institutions. *Handbook of International Relations* / W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, p. 192–211.
- Skriba A. (2014) Challenges of Eurasian Integration after the Ukrainian Crisis. *International Organisations Research Journal*, vol. 9, no 3. Available at: https://iorj.hse.ru/data/2014/12/12/1104743137/Страницы%20из%20IORJ_2014_3-8.pdf (accessed 07 February 2016).
- Tellis A. (2015) *The Geopolitics of the TTIP and the TPP*. 2 March..
- Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I., Chirila V. (2012) *Eurasian Union: A Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries*. EESC, p. 22. Available at: <http://www.eesc.lt/uploads/news/id459/Eurasian%20Union-a%20Challenge%20for%20the%20European%20Union%20and%20Eastern%20Partnership%20Countries.pdf> (accessed 07 February 2016).
- Walt S. (2009) Alliances in a Unipolar World. *World Politics*, vol. 61 (1), p. 86–120.
- Wisniewska I. (2013) Eurasian Integration. Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-soviet Area. *OSW Studies*, no 44, July, p. 40. Available at: http://www.osw.waw.pl/sites/default/files/prace_44_eurasian-integration_net.pdf (accessed 07 February 2016).
- Zarogski A. (2012) Russia's Neighborhood Policy. *Institute for Security Studies*, 14 February. Available at: <http://www.iss.europa.eu/de/publikationen/detail/article/russias-neighbourhood-policy/> (accessed 07 February 2016).